

— Чем дальше в лес, тем чудесатее и чудесатее, — сворачивая на очередной рекомендованный стрелкой и голосом навигатора поворот, поделилась я опасениями. — Уж послала нас бабушка так послала, — осторожно объезжая колдобину на дороге, продолжала я. — Как думаешь, Герцог, какая засада нас ждет впереди?

Вместо ответа меня удостоили высокомерным скептическим взглядом карих глаз. Недвусмысленно выказав таким образом свое отношение ко мне и к обстоятельствам в целом, обладатель волооких очей демонстративно отвернул голову, предпочитая разглядывать пейзажи за окном, чем общаться со столь не достойной его внимания особой.

— Вот никогда от тебя не дождешься поддержки и понимания, — привычно возмутилась, посмотрев ему в затылок. За что была вознаграждена странным звуком — не то мелкий чих, не то в высшей степени презрительное хмыканье. — Нет, все-таки ты редкостная скотина!

Скотина на данное замечание никак не отреагировала, так же привычно проигнорировав мое негодование.

Ах да, кстати. Это Герцог. Он же Франкенштейн, он же Жоффрей де Пейрак, в зависимости от моего настроения и степени гневливости на него, и он же Его Высочество. Прошу любить и жаловать!

По божественной задумке, вообще-то пес отряда собачьих, разновидности декоративных мелких пород, в народе презрительно именуемых шавками. И никоим образом не подходящий ни под одно из этих определений.

Видимо, Творец решил поэкспериментировать и смешал в одном флаконе все какие можно декоративные собачьи породы, а, получив результат, сам ужаснулся содеянному и, украдкой озираясь по сторонам — не заметил ли кто! — скомкал бумажку и быстренько выкинул на землю от греха подальше. Ну а на грешной кто-то это мутантское чудо подобрал, кое-как разгладил божественный пергамент, и получился данный экземпляр.

Около трех килограммов веса на высоких тонких ножках, с непропорциональной телу большой головой, с огромными, еще более непропорциональными всему остальному ушами, недоприплюснутой до конца мордой — баловалась, видать, прабабка с пекинесом, и получилось что-то вроде обрезанного передка грузовика в ми-

ниатюре. Зато глаза ему достались вообще черт-те от кого — большие, карие, с поволокой, почти человеческие. Создавалось такое впечатление, что морда состоит только из этих глазищ и оскала, над которыми гордым торчком стояли огромные уши в нежной жиденькой опушке непонятного цвета.

С окрасом и растительностью Герцогу тоже не подфартило. Шерсть — так, ни два ни полтора — начиналась от затылка, немного густела на загривке и груди, заметно редела к попе, на коей уже обозначала себя короткой опушкой, и заканчивалась полным позором на коротком хвосте в виде мелкого подшерстка, из которого тянулось несколько длинных волосин, как на голове облысевшего дедка.

С экстерьером тоже... как бы это сказать... не сложилось. Вернее, сложилось, но уж больно причудливо. Голову Герцог всегда держал гордо вскинутой, как лев — царь зверей, честное слово! Вообще, перед впечатлял высокомерной статью, а вот задок оплошал — то ли вследствие травмы, то ли от рождения, но скособочило задние лапы, и тощую, почти лысую попку, больше похожую на дулю, сильно смахивавшую на эдакий ответ миру на его претензии к данному индивиду, заметно сносило вправо.

Все его тело покрывали следы от ран и укусов, полученных в нелегкой борьбе за выживание. А левое ухо, которое было когда-то почти оторва-

но, практически полностью перечеркивал большой белый шрам, не зараставший шерстью, — память о боевом прошлом.

Два года назад я нашла его у подъезда бабушкиного дома: уже открывала подъездную дверь, когда заметила справа на дорожке непонятный предмет — какое-то небольшое животное, скорее всего кошка бездомная, покрытое ранами и кровоподтеками.

Что меня дернуло посмотреть? Ну животное, ну прибила какая-то сволочь людская, походя, от жестокости тупой. А вот потащилась же!

При ближайшем рассмотрении предмет оказался псом. Маленьким замученным псом. Он был жив и в сознании, но не скулил, не пищал, лишь надсадно дышал с хрипом и смотрел на меня абсолютно человеческим, осмысленным взглядом, переполненным укором, болью и гордой непокорностью судьбе. На боку у него был вырван кусок шкуры с мышцами, явно укус большой собаки, левое ухо практически оторвано, из более мелких многочисленных ран сочилась кровь.

Его всерьез потрепали дворняги, но раз не прикончили до конца, значит, он сумел отбиться и убежать! Да так убежать, что и не догнали, и не нашли!

— Сейчас, миленький, потерпи, — пообещала я непонятно чего и мотанула к машине.

Я подогнала свой «крузак» прямехонько под подъезд, как можно ближе, в багажнике из сумки со спортивной снарягой достала полотенце, вы-

тряхнула кроссовки из пакета, постелила его на переднее пассажирское сиденье и, оставив дверцу распахнутой, поспешила к страдальцу.

Он не скулил, не визжал и не грызался, когда я с максимальной осторожностью заворачивала его в полотенце и переносила в машину, только вздыхал тяжело, совсем по-людски.

— Потерпи! — попросила я его, заводя машину.

Так, куда его везти? Живность никакую я отродясь не держала, никогда не заводила, не подбирала на улицах и у родителей не выклянчивала. Даже в нежном детстве не мечтала о домашнем питомце или живом зоологическом уголке, имея совершенно иные увлечения и пристрастия.

Я позвонила Жанне, хозяйке клона шерсти на ножках, именуемого Жозеттой, суперпородистой йоркширицы со стержовым характером. Может, по причине мерзкого характера этой сучки она и всплыла первой в моей памяти. Жанна, посочувствовав несчастной собачке, немедленно дала адрес ветеринарной клиники, в которой обслуживали Жозетточку.

Несчастливая собачка, немного отогревшись, дважды попыталась меня укусить, намереваясь подороже продать свою тяжелую жизнь, без какого-либо предупреждения рыком, когда я потрогала ее нос, проверяя, не подохла ли она вообще, чем вызвала мое глубокое уважение. Боец!

И я наконец ее внимательно рассмотрела, не-

мало подивившись причудливым выкрутасам природы, больше смахивавшим на неудавшийся эксперимент сумасшедшего ученого.

— А ты красавчик, — порадовала я песика впечатлением, произведенным на меня его внешностью.

Когда я ввалилась в клинику с требованием скорой медицинской помощи животному, персонал, рассмотрев пострадавшего, грозно потребовал, чтобы я немедленно вынесла ЭТО из их приличного заведения! И пригрозил выдворением моего тела вместе с ношей ротой охранников за пределы их приличного учреждения.

Я как-то не сообразила, что в эту супер-пупер-навороченную клинику возит своих пусиков, мумусиков и люлюсиков весь московский бомонд, вставляя в их зубки бриллиантики и делая пластические подтяжки их жопам.

Нет, нам такая клиника ни за каким хреном не подойдет! Нам нужна нормальная ветлечебница, где действительно спасают и по-настоящему лечат!

— Потерпи еще немного, — попросила я подопечного, быстренько просматривая в смартфоне список ветеринарных заведений.

Ага! Вот это в самый раз! Скорая оперативная помощь, хирургия и даже стационарное лечение! Так, как нам лучше проехать?

Я добралась быстро, минут за сорок. Медсестьра в приемном отделении, только глянув на жи-

вотное, вызвала тут же по селектору дежурного врача и быстро проводила меня в приемную комнату хирургии.

Дежурным врачом оказался кряжистый невысокий мужчина лет за пятьдесят, представившийся Алексеем Леонидовичем.

— Где вы нашли такого Франкенштейна? — чуть улыбнулся он, осмотрев пса.

— А где таких находят? — слегка агрессивно ответила я.

— М-да, — протянул доктор и осмотрел на сей раз меня с ног до головы весьма красноречивым взглядом, сделал выводы и с неприкрытой неприязнью спросил: — А вы уверены, что хотите его спасти?

— Я же его привезла. — Я смутно предполагала, к чему он ведет.

— А зачем? — подтверждая мои предположения, в том же тоне, но с новой ноткой брезгливости продолжил врач. — В вашей гламурной тусовке неделя добрых дел? Акция «Поможем бездомным животным» с демонстрацией на камеры телевидения? И месячником обсуждения в клубах: какие мы хорошие девочки?

Понятно. Заценил, значит, мой несравненный девичий образ должным образом. Как говорил герой известного всем фильма в исполнении еще более известного артиста: «Ну, это нормально!» Я вообще на людей произвожу именно такое впечатление, кстати, сей имидж тусовочной кра-

сотули поддерживаю со всяческим тщанием, старательностью и удовольствием.

— Про акцию не слышала, а песика вылечите, пожалуйста...

— ...а вы его потом на улочку назад отпустите, — ерническим тоном закончил он за меня якобы мою мысль.

— Нет, — без дураков, на этот раз нормальным голосом с нажимом пообещала я. — Останется со мной жить, если захочет, конечно.

— Ладно, — после минутного раздумья согласился доктор. — Подождите в коридоре, операция будет долгой, и успех не гарантирую.

Вот так в мою жизнь попал Герцог. Операцию он выдержал. А то как же, с таким-то характером! Его жизненное кредо: если тебя съели, у тебя все равно есть два выхода! И я бы сильно не позавидовала тому, кто таки умудрился бы его сожрать! Эта упертая тварина ни за что не стала бы выходить «в заднюю дверь», и неосмотрительный гурман сдох бы от несварения и заворота кишок! Вот ей-богу!

Он поправлялся долго, попутно пса лечили от многочисленных болезней, приобретенных им в бездомной дворняжьей жизни, ставили все положенные прививки, откармливали. За время, проведенное в стационаре, он стал героем и любимцем всего персонала. Поразительным образом в нем сочетались внешнее уродство и сильный характер благородного бойца, по аналогии с чело-

веком можно сказать: врожденная дворянская гордость и благородство крови.

Не смейтесь. Именно так! Ну и высокомерие — этого так вообще вагон!

Когда я пришла навестить его после операции, что-то там засюсюкала по людской идиотской привычке обращаться таким образом с мелкими представителями животного мира, он так посмотрел на меня... Типа, что тебе, убогое создание, от меня надо? Шла бы ты куда подальше!

— Ну прямо герцог! — возмутилась я такой наглостью.

Вот так он и стал Герцогом.

А молоденькая медсестра, которая ухаживала за послеоперационными подопечными, умиленно и восторженно посверкивая глазками, сказала мне:

— Он похож на Жоффрея де Пейрака. Ну помните, из «Анжелики»? Когда они снова встретились, она считала, что он погиб, а он выжил. Его и на костре жгли, и пытали, он весь в шрамах, хромает, страшный, но гордый и красивый и всех победил!

— Похож, — согласилась я, правда, признаться, что книжек про Анжелику не читала, не стала.

Кстати, доктор Алексей Леонидович сказал мне, что Герцогу не больше трех лет. Ничего себе, жизнь у него была эти три года!

Заштопанного, здорового, прибавившего в ве-

се и привитого Герцога в новом противоблошином ошейнике я перенесла через порог своего дома, поставила на пол и пригласила:

— Ну проходи, обследуй территорию твоего нового места проживания!

Он встряхнулся всем тельцем, одарил меня презрительным взглядом и не спеша пошел обследовать. Я спохватилась, что он сейчас примется мне тут территорию метить. Мама дорогая! Это же дворянка дикая, а я его в свой уютненький домик приволокла!

Метить! Сейчас! Герцог, он и в московских хоромах герцог! Не иначе как упомянутый — как его там? — де Пейрак реинкарнировался в этом создании в той самой своей последней ипостаси: искалеченный, но непобежденный!

По крайней мере мой Франкенштейнчик вел себя именно так. Он никогда не гадил в доме, не чесал задними лапами за ухом, я ни разу не видела, чтобы он себя вылизывал в причинном месте. Он не делал суетливых движений, не бегал шавочной торопливой трусцой, цокая когтями по полу. Даже если был очень голоден, а я поздно возвращалась с работы, он размеренно-неспешно проходил в кухню, укладывался возле своих мисок и никогда — никогда! — не заглядывал заискивающе мне в лицо, не вилял ластиво и радостно хвостом и ничего не выпрашивал. Вот ни разу!

Он обожает купаться в ванной, ненавидит любой парфюм, при этом от него не воняет псиной,

презрительно отвергает любые консервы и собачьи корма и ест только свежее мясо, видимо, компенсируя все те годы, что пришлось довольствоваться чем ни попадя, любит салатные листья и свежие огурцы и фрукты.

Я его уважаю и не понимаю, как могла жить раньше без него. Он меня терпит, по большей части выражает явное сомнение в моих умственных способностях, категорически не приемлет никаких поводов и ограничения свободы, максимум, на что согласился, — на ошейник от блох, на который я прикрепила подвеску с его именем и адресом. Он не позволяет почесывать себя за ушами и вообще никаких нежностей, если подхватить его на руки и посюсюкать, можно вполне реально нарваться на предупреждающий боевой оскал. Но если Герцогу хочется понежничать, он приходит сам, никогда не залезает на колени, а укладывается рядом и греет мои ноги своим боком.

Он аристократичен, холодно-презрителен, умен по-человечески, и он вцепится мертвой хваткой в горло любому, кто попробует меня обидеть.

Из детского автомобильного кресла я сделала специально поднятое повыше сиденье с ремнями безопасности для него, которое стоит на пассажирском месте впереди — его законном, исключения не делаются ни для кого, остальные пассажиры ездят теперь в моей машине только сзади.

Вот так мы и живем.

Но что-то я отвлеклась. Я всегда так в дороге — думаю о разном, а если что-то вспоминаю, то как кино просматриваю: красочно, подробно, с деталями. Дорога к этому располагает, а я очень люблю дорогу.

Так вот о причине, по которой мы с Герцогом оказались за пятьсот с лишним километров от любимой нами Москвы, среди красивейших мест между реками Волхов и Мста, и приближаемся к искомому поселку с замысловатым названием.

У меня есть бабушка Лидия Архиповна, мамина мама. Бабульку свою я люблю и даже тайно обожаю, не могу ей отказать ни в чем и стараюсь тщательно баловать.

Ей восемьдесят лет, и последние годы она сильно прибаловала, но крепилась, бодрилась, а вот полгода, как стала резко сдавать и два месяца назад совсем слегла.

Врачи уверяют, что надежда на улучшение есть, а бабуля отмахивается от их прогнозов:

— Да чего там... — недовольно бурчит она. — Я сама врач и получше их про свои болезни все знаю. Да и надоело болеть и болеть, чего задерживаться!

А третьего дня позвала меня для серьезного разговора.

— Васенька, просьба у меня к тебе, — с каким-то совсем уж строгим выражением лица, взяв меня за руку, сказала она, — отвези мое письмо одному человеку, получи ответ хоть письменно,

хоть устно и привези мне. Я обязательно дождусь.

— Ба, ты что, умирать собралась? — возмутилась я.

— Собралась, внученька, — кивнула бабушка и посуровела: — И нечего слезы лить! Ничего в этом страшного нет, жизнь пострашнее будет! Да и всем свое время приходит! Или ты хочешь, чтобы я лежала и болями мучилась!

— Я хочу, чтобы ты была живая и здоровая!

— Я бы тоже не отказалась, — усмехнулась бабушка и снова стала торжественно строгой. — Не отвлекай меня на ерунду, у меня не так много времени осталось. Слушай внимательно. У меня была закадычная, самая лучшая подруга с детства, Надя...

Она долго рассказывала, я слушала зачарованно, погружившись в любви и страсти, дружбы и предательства, смертельные ситуации и спасения далеких дней, плакала, не замечая своих слез, и поражалась силе и красоте той жизни, которую они проживали молодыми.

— Почему ты никогда раньше об этом не рассказывала? — потрясенно прошептала я, когда она закончила.

— Не хотела ворошить прошлое, в котором чувствовала себя виноватой. Да и зачем вспоминать о своих ошибках!

— И ты ни разу не попыталась с ней встретиться, поговорить?

— Пыталась. Один раз, когда открылся этот

обман. Но тогда все было свежо и больно, и она не захотела меня услышать и простить. — Бабушка помолчала, находясь там, далеко, в своем прошлом. — Я не хочу умирать, не попытавшись все объяснить ей.

— Ба, а если она... — Тут я споткнулась маленько, но вопрос закончила: — ...умерла уже?

— Нет, не умерла, — уверенно возразила бабуля. — Все эти годы я поддерживаю связь с несколькими своими односельчанами. Некоторые давно в город перебрались, а кто и остался. Так, пишем друг другу изредка, перезваниваемся когда-никогда, но про их жизнь и что там у нас происходило все эти годы я знаю. Вчера специально позвонила одной старой знакомой, узнала, что Надя жива, только переехала. Недалеко, в какой-то новый поселок, рядом со старым, на другом берегу реки. Ты знаешь, какие у нас там места замечательные! Красота, природа сказочная, немудрено, что новые поселки вырастают. Съезди, Васенька, исполни мою просьбу.

— Ба, ну ты чего? Разумеется!

— Вот письмо. — Она передала мне пухлый конверт из плотной почтовой бумаги, на котором большими четкими буквами были написаны адрес и имя получателя, и попросила как-то беспомощно, по-детски: — Ты ответа дождись, любого, не уезжай без ответа.

Я кинулась ее обнимать, расцеловывать, разревелась, конечно, и, прижавшись к любимой

бабулиной, такой родной мягкой щечке, твердо пообещала:

— Костьми лягу, поселюсь там у нее, а ответить заставлю!

— Костьми не надо, — бабуля успокаивающе поглаживала меня по голове. — И не пугайся уж так, я завтра помирать не собираюсь. Вот тебя дождусь, а там, может, и поживу еще.

Следуя указаниям навигатора, я повернула налево, подивившись прекрасному качеству новой дороги после полукилометрового промежутка, разбитого в хлам, с которого свернула. Впереди просматривался мост через небольшую речушку, а за ним поворот направо, о котором тут же напомнил спутниковый «сусанин».

Когда я купила новый навигатор, меня сильно напрягали комментарии бабским голосом, и я, покопавшись в нем, перепрограммировала голосовое сопровождение на эротический мужской баритон. Увлечшись творчеством, решила было добавить пару-тройку нежненьких определений в его словарный запас, но, почесав свою красивую умненькую головушку, отказалась от такой затеи. Представила, что вот поедешь так денек, когда тебе говорят: «Через сто метров поверни направо, дорогая. Езжай прямо, любимая», и поняла, что неизбежно к концу дня возникнет устойчивое и непреодолимое желание убить всех